

Николай
Анисин

ТАЙНА СТРАНЫ СОВЕТОВ

Фрагменты из книги

ЖЕНА РАЗДЕЛЯЛА вывезенное мной из Индии убеждение: ребёнок — от Бога, он не опутан, в отличие от родителей, земными глупостями, и ему лучше них известно, что такое хорошо, что такое плохо.

Мы ничего не навязывали дочери — лишь опекали её. До 11 лет. До того, как она сама не выбрала себе школу для девочек в десятках миль от Лондона. В ней Кейт стала лучшей ученицей — там же установились её жизненные приоритеты: не надо мне развлечений, денег, славы, семьи — даёшь борьбу против несправедности в мире.

Она завела контакты с антиглобалистами по всему свету. И, помимо французского, немецкого и испанского языков, в коиx я её наставлял, овладела ещё итальянским и греческим. Старшеклассницей Кейт уже ездила в каникулы на сборы и акции антиглобалистов. У меня к ним было отношение, как у моего отца к моим детским играм в войну. Ни мне, ни Миа жажда Кейт быть искрой в пламени движения за справедливость преисподнейной не казалась. Аргументы против нам на ум не приходили: у юности должно быть что-то шаловливое.

Степень бакалавра гуманитарных наук Кейт получила на отделении современной истории в том университете, из которого вышли 25 премьер-министров Великобритании. Занималась ли она там пропагандой своих взглядов, вербовала ли сторонников — я не выпытывал, но ей никто в университетском окружении претензий не выставлял. Кейт продолжила обучение в магистратуре, не ослабляя, а укрепляя связи с антиглобалистами.

В начале октября 2011-го я, не завершив переговоры, вынужден был убраться из Нью-Йорка. Его деловую жизнь заклинило подобие паники. Город под лозунгом "Окупируй Уолл-стрит!" наводнили сторонники каких-то профсоюзов и политизированных организаций. Их было — несть числа. Они требовали мер по пресечению жутнического обогащения финансово-экономической элиты. Поставили палаточный лагерь и тьмой-тьмущей своих тек блокировали офисы бизнес-структур. Среди тех, кто сорвал мне переговоры, была моя дочь. Я о том узнал, уже сидя перед телевизором в лондонском доме вместе с Миа. Ей Кейт сказала, что уезжает надолго, но утаила, куда.

Мы смотрели новости на русском телеканале "RT", к которому я пристроился с поездки в Москву в 2008 году. Шёл сюжет об акции "Окупируй Уолл-стрит!", и у нас рты раскрылись. Бок о бок с разгоряченными стычкой с полицией парнями, которых вопрошал репортёр, стояла Кейт. Лицо её было, как всегда, незлыбемо кротким. В руках она держала лаконичный плакат: "НАС — 99%". Я не гордостью переполнился за самоотверженную дочь. Чуть раздосадовался: ну, как могла она из игр в войну втиснуться в авантюру с непредсказуемыми для неё последствиями?

Да, цель массового протеста, к которому присоединилась Кейт, благородна. Он не блажь чьей-то был рождён. В предыдущие годы в тех же США доходы одного процента граждан росли в 10 раз быстрее, чем у остальных 99 процентов. А налогов самые богатые американцы выплатили на 40 процентов меньше. Возмущение таким вопиющим безобразием, конечно же, оправдано. Но участие в нём Кейт выглядело глупо.

Акция, которую захватившие Уолл-стрит намерились длить до тех пор, пока не будет объявлено о шагах к справедливости, впечатлила многих американцев массовостью, дерзостью и запалом юности. Но её в финансовых кругах Нью-Йорка воспринимали не иначе, как чистое хулиганство. Требования протестующих, слышал я там, ни одна инстанция не возьмётся исполнять, а их самих урезонят, как расшалившихся котят. Перед отлётом из Америки я купил газету, где было сообщение об аресте первых 700 бунтарей. Значит, никто из всех, сидящих вместе с Кейт в палатках, от такой участи не застрахован — их будут загребать и переправлять за решётку, и тысячами, и поодиночке. Под самыми разными предлогами: за распространение наркотиков, за воровство, за сопротивление полиции... Я попытался дозволиться до дочери, чтобы спросить: ради чего ты рискуешь попасть в тюрьму или выплеть из университета? Но её телефон был выключен.

За неделю до того, как полиция Нью-Йорка снасала пустевшие палатки захватчиков Уолл-стрит, мы увидели Кейт дома. Она не была подавлена и растерянна. О провале акции не сожалела. И верила, что назначенное через полгода её повторение произведёт тот эффект, который ждут 99 процентов американцев и европейцев.

РАЗУБЕЖДАТЬ КЕЙТ на сей счёт я не стал. Но впервые, выбрав момент, попытался повлиять на её мировоззрение и впервые вытасил из памяти сведения об Атлантиде. Полдня мы общались, дома и на прогулке, и полдня я вещал. Вот, милая моя, долго-долго было на Земле такое вот общество. Так вот было построено оно и того-то достигало. Но оно сплыло, и справедливости на Земле не стало.

Человечество последних тысячелетий изначально пошло ложным путём, отклонилось от следования Божественным законам. Пришествие Христа его не вразумило. И ежели оно до сих пор не выпуталось из-под управления эгоизмом злата и булата, то это — факт, с которым разумно

смириться. Кому невмоготу терпеть и нечего терять, тот пусть лезет на рожон и добивается уступок от сильных мира. Но сносно живущему человеку не к перевороту общества вверх дном надо устремляться, а к совершенствованию себя. Не найдём мы Благодати поодиночке — все загремм в тартарары.

Согласия, хотя бы на йоту, с подсунутым ей ненавязчивым нравоучением я у Кейт не прочитал. Но в спор она не вступила. И весной снова по зову трубы товарищей помчала в Нью-Йорк. К разбитому корыту акции "Окупируй Уолл-стрит!" Ядро её организаторов было разложено агентами Мамоны, и повтор протеста выродился в пшик.

Разочарования его провалом Кейт не выказала, вернуться к разговору с моим нравоучением не пожелала и, стало быть, к сдвигам в мировоззрении не приблизилась.

Поспорить со мной она решила спустя год, с выставлением не только словесных, но и материальных аргументов. И потому уговорила меня провести с ней уикенд в Греции. Под видом акта благотворительности для неё.

Она сообщила мне, что перевелась на отделение Восточной Европы, штудирует русский, с трудностями которого я уже разобрался, и нуждается в моей помощи. И предложила: давай, оставшись один на один в православной Греции, будем всю поездку говорить на языке православной России.

В Салониках — втором по величине греческом городе — Кейт взяла напрокат машину, и мы поехали в провинцию Фессалия. Катили-катили по цветущей равнине, залитой солнцем, и вдруг слева и справа перед нами возникли высоченные, близкие к синему небу тёмные скалы. На двух из них маячили двигающиеся фигурки, казавшиеся лилипутами. Обратив на них моё внимание, Кейт заметила:

— Доползти к облакам по этим скалам может любой здоровый человек, если потренируется, как следует, и купит специальное снаряжение, но втащить на их вершины хотя бы сто тонн камней вряд ли возьмётся даже самые классные альпинисты за самые большие деньги.

Топк в обронеком Кейт я понял не сразу, но скоро, через минуты быстрой езды.

СТЮАРТ ОПЯТЬ ИЗВЛЕК из кармана смартфон и показал мне фото из Фессалии. На них парили в небе несколько монастырей. Их могучие здания-крепости с маковыми храмов, конечно, не витали в воздухе. Стояли. На вершинах неприступных скал. — Все монастыри в том местечке Метеоры, — далее поведал Стюарт, — были хорошо видны с площадки, на которой Кейт припарковала машину. Оглядев их, я забыл, что услужливо говорил с дочерью на русском и произнёс: "Wonderfull". Она хлопнула ладошками от довольства тем, как я воспринял панораму монастырей, и кивнула на кафе неподалёку.

Я думал, что она не прочь просто передохнуть после 250-километрового пути, а ей, оказалось, спокойное чаепитие понадобилось, чтобы сразу начать давно отложенный спор. Моё нравоучение Кейт с повествованием об Атлантиде выглядело длинной лекцией — её ответ был лекцией краткой: — Ты рекомендовал мне пересомыслить мировоззрение. А какое оно у меня — не стал докапываться. Так вот, я тебя уведомлю: я — марксистка. Но — стихийница. И не ортодоксальная. Я не верю, что в жизни человека на Земле материя — первична, а дух — вторичен. И поэтому как твоя версия Атлантиды, так и твой поступат о том, что все беды нашей эры от измены заповедям Христа, мне симпатичны. Причём глубоко. Но выводы, сделанные тобой из твоей атлантической версии и твоего поступата, мне трудно воспринять. Почти невозможно. Ты уверял меня: раз христианская цивилизация две тысячи лет следует не Божественным заповедям, а правилам злата с булатом, то она не поддаётся желанной всем переделке. Новой Атлантиде после пришествия Христа не суждено появиться на Земле. Чудеса на ней через соприкосновение людей со Всемогушей Энергией невозможны. Но оглянься вокруг — против тебя все монастыри Метеоров. Как они вознеслись на скалы? В Фессалии в XII–XV веках не было денег — её грабили то крестоносцы, то корсары. Затратные культовые стройки на её территории никто финансировать не мог. И никто из отшельников, поселявшихся в гротах Метеоров, не мог и заставить хоть что-то строить. Великолепные здания монастырей на 24 недосягаемых скалах, ступени на которых начали рубить лишь в XX веке, — дело доброй воли немущих. Но почему это им удалось? Отшельники в Метеорах объединялись в христианские общины и жили так, что нискали Благодати Духа Святого и получили, говоря твоими словами, ключи от Божественной Энергии. Достигнув праведности, они постигли, не обучаясь в академиях, умения архитекторов, техников, прорабов. И всем им, скудно питавшимся, открылся неискаемый, необъяснимый разумом Источник Силы. Иначе тысячи и тысячи тонн камней, расслепленных у горных подножий, не взвились бы на вершины скал и не сложились бы в слитые с ними вот эти монастырские построения. Их верующие греки называют Святыми Метеорами.

Монастыри на скалах — факт Божественных чудес в реальной жизни отдельных праведных общин при повальной несправедности в феодальном Средневековье. А теперь переключаю тебя на такие же чудеса в целом обществе отдельной страны средь несправедности мирового капитализма.

АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ Герберт Уэллс, посетив Советскую Россию в 1920 году, написал, что положение в ней "настолько тяжёло и ужасно, что не поддаётся никакой маскировке. — это картина колоссального непоправимого краха". Русский писатель Иван Ильин, знавший ситуацию на Родине, чуть позже начертал, что теперь "Россия — это Дикое поле". А спустя 20 лет в стране непоправимого краха уже была индустрия, превзошедшая потенциал индустрии Англии, которая создавалась 200 лет. А в Диком поле с 80 процентами неграмотного населения расцветали наука и литература, искусство и спорт. Почему это в России-СССР могло произойти? Потому что Невеса над огромными просторами Страны Советов расположились к жившим там людям — так же, как и к монахам средь скал Метеоров. Марксисты-атеисты, упразднив прежние устои русского общества, перестраивали его по никогда ранее не испробованным рекомендациям Карла Маркса. Они не предлагали никакого обращения к Духу Святому. А Он на граждан Советского Союза снизошёл. Я не знаю, как и чем ими была заслужена Его Благодать, но мне совершенно очевидно, что с заменой уклада жизни они уже в 1920-е годы начали её обретать. А в последующие десятилетия всё их большинство пребывало в Благодати. Доказательством тому служит то, что на всей территории СССР: от затиров Балтики до Сахалина, от пустынь Средней Азии до тундры Крайнего Севера, — его гражданам, как и монахам Метеоров, открылся неисчерпаемый Источник Силы. На одном корне необъятной Страны Советов пели: "Нам нет преград ни в море, ни на суше..." На другом запевали: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью..." В компаниях антиглобалистов, в кои я вхожу, есть американцы и европейцы, прадеды которых работали в СССР в 1930-е годы. Советская власть нанимала их как инженеров: для монтажа и запуска импортного оборудования на новых русских электростанциях, металлургических комбинатах, тракторных и автомобильных заводах.

Тысячи иностранцев с Запада, где свирепствовала безработица, ехали в Страну Советов из-за нужды. А приехав в неё и вправившись в исполнение обязанностей, начинали сиять от удовольствия. В буднях великих строев русских царил великий праздник. Все с весельем рвались обучиться чему-то, все вкалывали на износ, но с таким азартом, что никто вроде бы и не уставал: "нам не надо покоя — нам работу давай". Иностранцы уезжали домой с мыслями: для русских нет ничего невозможного.

Так же многие европейцы думали тогда и о немцах. С приходом к власти Гитлера Германия свершила небывалый рынок в экономике, но он был подоготовлен задолго до 1933 года. И в нём, в сравнении с рынком СССР, не проглядывалось чудесное.

Немецкие заводы и энергосистемы уходили фундаментами во вторую половину XIX века. Они были бережены в Первую мировую войну и модернизировались после неё, даже невзирая на жалкое положение поверженной Антантой Германии до начала мирового экономического кризиса в 1929-м. Советская же индустрия начиналась в 1930-е с рывка вручную тысяч котлованов миллионами едва научившихся грамоте русских крестьян. Гитлеровской власти не требовалось волшебство для профессионального перевоплощения немцев: Германия в 1933-м имела инженерно-технические кадры высшего уровня. Советская же власть без волшебства не могла превратить копателей котлованов в прорабов и в каменщиков-монтажников, научить их работать на ими же построенных предприятиях, управляться со сложными станками и сталелитейными конверторами, закупленными в Европе и Америке. Страна Советов из ничего создавала сначала кое-что, а потом Нечто Великое. Германия, провозглашённая Третьим рейхом, солидному её "нечту" придала размах. Все безропотно подчинившиеся Гитлеру народы Европы покорно подпитывали его военную мощь материальными, а большинство — и человеческими ресурсами. Но в 1941–1945 годах Германия потерпела сокрушительное поражение от СССР, потому что в её строе отсутствовало чудо, а в советском оно было. Страна Советов жила праведно — и её граждане открылись Источник Небесной Силы. Они потеряли в 1941–1942 годах самые плодородные житницы и самые развитые индустриальные центры, но сохранили уверенность в себе и праведность в отношениях. А это могло быть только при праведном в их обществе жизнеустройстве. Оно позволило им удержаться в Благодати и не растерять связи с Источником Силы. Стало быть, победа СССР над Германией Гитлера — это, прежде всего, победа праведной системы жизни над несправедливой. Удар немецкой армии по Советскому Союзу был неизмеримо страшней, чем по всем европейским странам вместе взятым. Но Страна Справедливости, потеряв 27 миллионов убитыми и имея десятки миллионов инвалидов, так разбирала завалы разрушений и так отстраивалась за-

ново, что уже в марте 1946-го Черчилль призвал Запад отгородиться от неё железным занавесом.

СССР В СЧИТАННЫЕ ГОДЫ после войны восстановил довоенный уровень производства и создал научно-техническую инфраструктуру, которые позволили ему произвести атомную бомбу и запустить первую в мире АЭС. Откуда советские граждане, измотанные и покалеченные на фронтах, изнурённые недоеданием и сверхнапряжённым трудом в тылу, черпали мускульную и интеллектуальную энергию в послевоенные годы? Оттуда, откуда черпали их в войну и до войны, — из Источника Силы. Англия, Франция, Италия, ФРГ последствия войны преодолевать начали лишь после 1948 года — с поступлением кредитов из США по плану Маршалла. Все трудовые достижения Европы, разделённой на классы хозяев и слуг, меркли в сравнении с достижениями Страны Справедливости. Призывом к железному занавесу вокруг неё в 1946-м Черчилль, по сути, заранее признал неспособность капиталистической Европы к мирному состязанию с ней. Европа долго-долго пылилась наладить нормальное жизнеобеспечение, а СССР уже закладывал промышленную базу для полётов в космос. Для него не было ничего невозможного, потому что устройству жизни в нём склоняло людей к той Благодати, которая, говоря твоими словами, давала им ключи к Божественной Энергии. До 1954 года Страна Советов являлась страной, в которой были заложены основы Новой Атлантиды, способной к любым чудесам.

Почему потом в её развитии стали происходить сбои и почему система жизни в ней замшела и к 1991-му обрыдла советским гражданам — тема отдельного разговора. Сейчас же я констатирую факт, который ты не можешь опровергнуть: с 1921-го по 1954-й на Земле состоялось явление уникальной цивилизации, которая, как и Атлантида, жила по Божественным законам. Иначе Страна Советов не сломала бы хребет Гитлеру и не стала бы к середине 1950-х Победоносной Альтернативой Миру Капитала.

А если такая цивилизация не исключалась в XX веке, то она вполне возможна и в нашу эпоху. Коммунисты Франции и Италии шли в народ и гаполили: "Дорогие Жаки и Шарли, Винсенте и Друзеппе, посмотрите на СССР и сделайте выводы". Советские города возстали из руин — в наших городах дыры от снарядов в целых общественных зданиях ещё зияют. Деревень в Стране Советов немцы сожгли больше, чем во всей Европе, а карточки на продукты русские отменили раньше всех. Они первые в мире по темпам роста экономики, по качеству техники, по числу студентов на тысячу жителей. Лечиться в больницах и санаториях им можно бесплатно. Что такое безработица, в СССР не знают, об инфляции ничего не ведают. Зарплата работникам там каждый год повышают — цены на товары каждый год снижают...

ИЗ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЁХ монастырей на скалах сохранились шесть. Мы поднялись по ступеням на отвесной скале в обитель Преображения. По пути Кейт рассказала её историю, а всё наше пребывание там прошло в полном молчании. Ни слова не издавали и встретившиеся нам монахи. Они, казалось мне, ходили медленно-медленно, и звуков их шагов у древних строений я не слышал. Иконам и фрескам в главном соборе монастыря мы тоже внимали в полной тишине. Время здесь для меня как бы остановилось. Точнее, исчезло вообще. Глядя на лики, изображённые на стенах и сводах XIX века, я подумал: с того века и по сей день жизнь в Метеорах неизменно течёт в радости молитв и трудов. А за пределами монастырей на скалах все семь столетий во всей Европе кипели страсти, и то ручьями, то реками пускалась кровь. Но метеорская пристань без корысти и амбиций никогда не попадала в центр внимания европейцев. Почему властители их дум никогда о ней не трубили устно и печатно? Неужто многовековой опыт праведных монашеских общин на скалах, куда попасть можно было только по верёвке, не полезен в обществах с жаждой обогащения и подчинения?

Мы зашагали в сторону машины. Отобедав Кейт склонила меня в придорожном ресторанчике, из-под шатра которого были видны скалы с ползавшими по ним альпинистами. Заказ официант она сделала на греческом и выбрала блюда только греческой кухни. А в разговоре со мной перешла с русского на английский:

— Нарушаю договор практиковаться сегодня с тобой только в языке России. То, что мне надо сейчас сказать, с ней связано и очень важно для меня. И чтобы ты адекватно всё воспринял, буду говорить по-английски. Итак: мои друзья недавно вывели меня на солидный психологический центр в Лондоне, которому надлежит думать о будущем мира, точнее — на тех двух человек в нём, которые уполномочены принимать решения. Я встретилась с ними и сказала следующее: — Родители дали мне имя Кейт, но антиглобалисты с акцентами разных языков много лет называли меня Катюшей, по аналогии с русской реактивной установкой. Предлагаю сотрудничество. Капитализм как система жизни с полным доминированием паразитов — тех, кто ничего не производит, — в XXI веке обречён. Единство общества в Европе и США долго держалось на внешней угрозе со стороны хрущёвско-брежневского СССР. Кормчие Запада искусственно поддерживали баланс интересов между классами, дабы иметь опору средь людей труда на случай вторжения русских в европейские страны. Распад Советского Союза отменил заботу о том балансе, но от него выиграла все классы в Европе и США. Бывшие социалистические республики СССР, став суверенными государствами со строем дикого капитализма, сделались огромным рынком сбыта для

западных товаров. Теперь же тот рынок насыщен, и возможности заработков для людей труда на Западе сократились. А его кормчие возвращаются к соблюдению баланса классовых интересов не желают: ими выстроена такая глобальная кредитно-денежная политика, при которой с любым поворотом её маховика паразиты всех стран имеют куш, а все остальные — шииш. Эгоизм класса паразитов неизлечим. В грядущих штормах экономических кризисов богачи не поделятся своими состояниями и не откажутся от роскошества. Но и несчётное число европейцев и американцев не смирятся с потерей отисительного благополучия и сползанием в беспросветную нищету. Современные устои капитализма рухнут во всеобщем хаосе. Но что может прийти им на смену?

КНАМ НА СТОЛИК под шатром были поданы первые из заказанных блюд. Кейт умогла. Я, проводив взглядом официанта, обронил: — Надеюсь, ты застрашала деятелей Центра так, что они мурашками покрылись...

Она улыбнулась. — Я старалась. В разговоре с ними мой голос, который при включении во всю силу, как хлыст, побуждает полицейских ронять дубинки, был далеко не столь тих, как сейчас. Но напирала я горлане напрасно: эти важные дядьки в Центре, как мне показалоось, не хуже меня понимают: капитализму в нынешнем виде скоро конец, и надо думать над альтернативой ему. Альтернативой марксистского типа. Я выложила им неумённое своё желание: хочу провести собственное исследование СССР как Новой Атлантиды, чтобы выяснить, почему обломки распавшейся Российской империи собрались под Красным знаменем. Почему неграмотные русские возлюбили книжную модель жизни по Марксу? Почему на основе этой модели им удалось достичь Благодати и творить чудеса? И почему величие Новой Атлантиды в трудах и боях обернулось её крахом?

Дядьки врубались: ага, она намерена исследовать то нигде не прописанное, что одухотворило марксистскую систему в СССР до чудес и то никем публично не провозглашённое, что стало умерщвлять в ней животоворящее. И доказательств актуальности этого от меня не потребовали. Мне предложили пройти собеседование в одном из отделов Центра. В нём я была вывернута наизнанку — покажи, на что пригодна. Со мной заключили договор и неделю назад выдали грант — безвозмездную и приличную субсидию на ведение изысканий в России.

Кейт вытанялась над столом ко мне: — Драгоценный мой папа! Ты догадался ли, зачем я вступила в спор с тобой и страстно вербовала тебя как идейного союзника? Вижу — не догадался. Получив грант, я орбела. У русских был некий знаменитый Сенька, который надавал то подходящую ему шапку, то — нет. Так вот на деньги гранта ума я не куплю и боюсь предстать в Центре с итогом исследования как Сенька в неподобающей шапке. Есть ли у меня столько извилин, сколько надо, чтобы найти тайные законы Новой Атлантиды — не знаю...

Её представление об СССР как о Новой Атлантиде 1921–1954 годов убедительно выглядело не только для меня, но и для сотрудников Центра. Они никаких претензий в исполнении договора Кейт не предъявляли.

— А она выложила что-то из своих открытий в Интернете?

— Итоговый доклад Кейт, выполненный в форме научной работы со ссылками на источники, был, согласно договору, передан в Центр, стал его собственностью и ничего из него разглашению автором не подлежит.

— Очень жаль. Ваш взгляд на древнюю Атлантиду был мне чисто познавательно интересен. Воззрения же Кейт на Новую Атлантиду я, рождённый в СССР, всем нутром бы затребовал.

НИКОЛАЙ АНИСИН

КЛАД

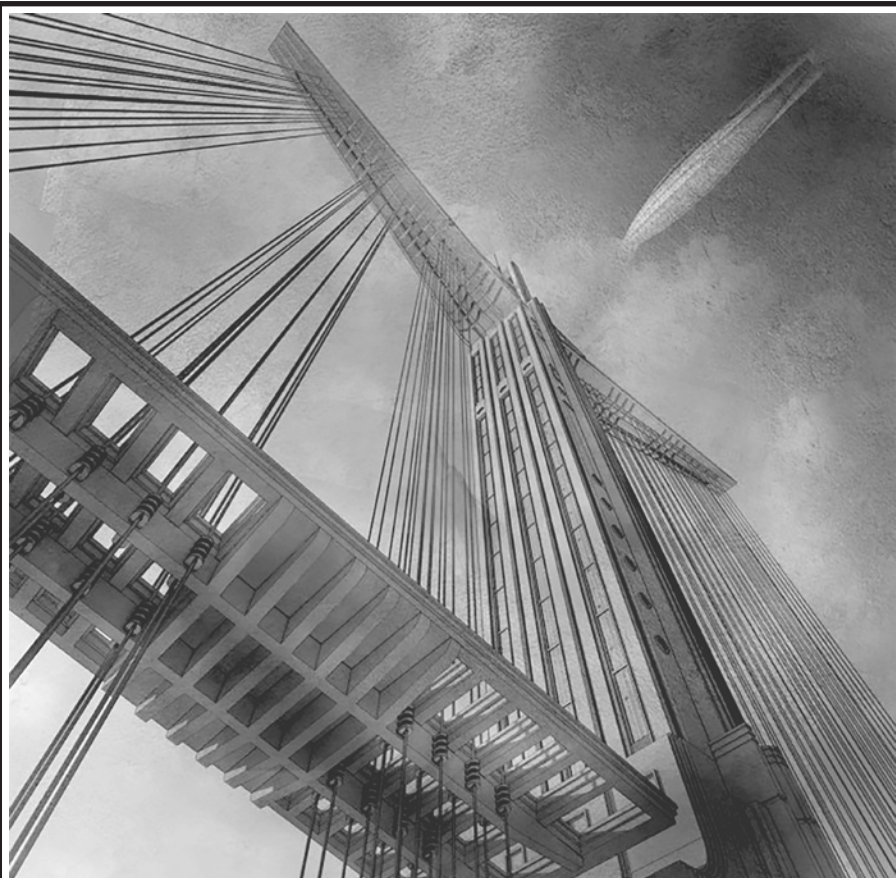
ТОМ I

наше завтра

16+

Реклама

Книгу можно приобрести в День-магазине: +7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru, день-магазин.ppf

"Я вдруг увидел всю красоту этого грандиозного машинного балета, залитого лёгким голубым солнцем" Евгений Замятин. "Мы".

ЗАМЯТИНСКИЙ МИР... Его нельзя сравнивать с оруэлловской помойкой, хотя Оруэлл штудировал Замятину и чисто по-английски своровал идею. И там, и здесь некий индивидуум, точнее — винтик, сначала заводит интрижку с шикарной девушкой, а потом ре-

Галина
ИВАНКИНА

ЗЕРКАЛО УТОПИИ

Холодная эстетика романа «Мы» Евгения Замyatина

"Мы" — не только и не столько этическая, сколько эстетическая парадигма 1910-х—1920-х. "...увидел всё: непреложные прямые улицы, брызжущие лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг. И так: будто не целые поколения, а я — именно я — победил старого Бога и старую жизнь, именно я создал всё это".

Всё это напоминает манифесты супрематистов, что звали к идеальному ритмам Вселенной и грезили о космических откровениях. Главный герой — математик, а технократия виделась в качестве реальной политической силы и единственно возможного будущего. Её страшилились, но её призывали как великую мечту о всемогушей машине. Неслучайно другой персонаж времени — футболист Володя Макаров из романа "Зависть" Юрия Олеша писал своему другу и благодетелю Бабичеву: "Я хочу быть машиной. Зависть взяла к машине — вот оно что! Чем я хуже её? Мы же её выдумали, создали, а она окатилась куда свирепее нас". По сути, "антитоталитарный" Замятин рисует сотни и тысячи Володь Макаровых, мыслящих строю и кристально.

"Через 120 дней заканчивается постройка Интeрнала. Близок великий, исторический час, когда первый Интeрнал взойдёт в мировое пространство. Тысячу лет тому назад ваши героические предки покорили власти Единого Государства весь земной шар. Вам предстоит ещё более славный подвиг: стеклянным, электрическим, огненным Интeргалом проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной. Вам предстоит благотельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах — быть может, ещё в диком состоянии свободы".

Если убрать царапающее слово "свобода", поданное тут в отрицательном смысле, как и в формуле Оруэлла: "Свобода — это рабство", то... мы увидим вовсе не "Москву-2042" — большую фантазию господина Войновича. Это — ефремовский рай с его лаконичностью, формулами и устремлением в холодное, усыпанное звёздами пространство. "Математически безошибочное счастье", которое пугало Замятину, напоминает описания... Ивана Ефремова. Так антиутопия обратилась утопией. Вы вправе сказать, что в чётких линиях стеклобетонного "Мы" нет полёта мысли. Все думают шаблонно? А вы сможете банальной мыслью "проеинтегрировать" бесконечное уравнение Вселенной? Убого шевелят остатками популярноски извилим обитатели Дивного нового мира, созданного Олдосом Хаксли, но не Д-503 и его сограждане.

ЗАМЯТИНСКИЕ ГЕРОИ склонны к видению красоты, хотя, она (эта красота) лишена естественности. Тот же фотограф Александр Родченко не любил природу как эстетический объект, полагая её "хаотической", и потому его героями были детали машин и линии электропередач, а не бабочки и плавающие мвы над прудом: "На даче в Пушкино хожу и смотрю природу; тут кустик, там дерево, здесь овраг, крапива. Всё случайно и неорганизовано, и фотографию не с чего снять, неинтересно. Вот еще сосны ничего, длинные, голые, поч-

с бархатными розами. И Юрий Олеша показывал себя в Кавалерове, которого ненавидел, но как честный человек признавал в себе самом!

Для Кавалерова приближением стала пышная кровать вдовы Прокопович — жирной, приторной мешанки. Для Д-503, оборванного местной декаденткой I-303, "местом силы" сделался Древний Дом, покоящийся на границе миров. Он весь пронизан духом "ар-нуво". А для обитателя ефремовской Эры Кольца? Остров забвения, где человек имел право быть "как все", блаженствовать на лоне дикой природы и не участвовать в общественном горении. Интереснейший нюанс: на том Острове живут не только "странные" люди, но и... оступившиеся. Преступники.

Как расписан исторический путь человечества у Ефремова? Как провалы, разрывы, тёмные века с бессмысленными париками и каблукками, писанной и лепниной, примитивной физикой и такой же примитивной физиологией (мало живут, но много болеют). Зато потом — Эра Мирового Воссоединения, Огненного Труда, Великого Кольца. Мир Замyatина тоже отрицает прошлое. Он весь из стекла, прозрачен, дабы никто ничего не скрыл от коллектива. Архитектура Ефремова — не из стекла, но и там тоже нечего скрывать. Отчужлись. Всё — прямо и стерильно.

Космос ради Космоса. Бытие как форма. Постигание Вселенной — затем, что надо. Сотрудничество, единый порыв, свежий воздух. Правда, в финале замятинской антиутопии всем жителям промыли мозг; уравнив вредную фантазию, но кто сказал, что она быனு цвела у ефремовских небожителей? Они напоминали изыские схемы. Без политического подознания с его извращениями. Вообще, любая антиутопия — это зеркало утопии, как, впрочем, и наоборот. Всё зависит от угла зрения. Ибо, как говорится, "красота — в глазах смотрящего".

Иллюстрация: проект городского транспорта объединения «Дети Иофана»